

УДК 82-94
ББК 63.3
Н 84

Носик Б. М.

Н 84   Сент-Женевьев-де-Буа. Русский погост в предместье Парижа / Борис Носик. — М. : Алгоритм, 2014. — 368 с. — (Величайшие некрополи мира).

ISBN 978-5-4438-0538-2

На знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа близ Парижа упокоились священники и царедворцы, бывшие министры и красавицы-балерины, великие князья и террористы, художники и белые генералы, прославленные герои войн и агенты ГПУ, фрейлины двора и портнихи, звезды кино и режиссеры театра, бывшие закадычные друзья и смертельные враги...

Одни из них встретили приход XX века в расцвете своей русской славы, другие тогда еще не родились на свет. Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Иван Бунин, Матильда Кшесинская, Шереметевы и Юсуповы, генерал Кутепов, отец Сергей Булгаков, Алексей Ремизов, Тэффи, Борис Зайцев, Серж Лифарь, Зинаида Серебрякова, Александр Галич, Андрей Тарковский, Владимир Максимов, Зинаида Шаховская, Рудольф Нуриев... Судьба свела их вместе под березами этого островка ушедшей России во Франции, на погосте минувшего века.

На страницах увлекательной книги Бориса Носика оживают многие имена великих и неизвестных с их горестями и радостями, хитросплетениями судеб...

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0538-2

© Носик Б.М., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

ВСТУПЛЕНИЕ

Слух об удивительном кладбище под Парижем, где упокоились вдали от родных мест русские изгнанники — и писатели, и музыканты, и художники, и артисты, и великие князья, и княгини, и придворные фрейлины, и герои Белой Армии, и красавицы былых времен, слух об этом гулял по Москве еще в 60-е годы, когда и в Париж-то пускали из Москвы редко, и то за особые заслуги, по загадочному выбору или по счастливой случайности. Самому мне в ту пору вообще не доводилось еще бывать на таинственном Западе, но думалось: вот попаду — непременно съезжу в это знаменитое местечко Сент-Женевьев-де-Буа...

Теперь вот живу по большей части в деревушке в Шампани, но помню, что этот новый виток моей жизни начался для меня с московской легенды о кладбище.

Недаром говорят, кабы до нас люди не мёрли, и мы б на тот свет дороги не нашли.

Помню, как после первой моей поездки во Францию горнолыжники в Баксанском ущелье пели звездными вечерами под любительский перебор гитары моего друга Влада Чеботарева нашу с ним незамысловатую песню:

Городок неприметный Святой Женевьевы,
Не простой Женевьевы — Лесной, «де буа».
Только леса не видно за теми деревьями
И церквушкой, построенной А. Бенуа.
И березы, березы... И могилы, могилы...
И знакомые русские все имена...

К середине 80-х я уже был почти парижанин и каждый год бродил по дорожкам этого кладбища: оно ведь и правда удивительное, это кладбище, может, самый примечательный из зарубежных русских некрополей, обиталищ мертвых. Я бы даже сказал не мертвых, а просто тех, кто был до нас (я с удовлетворением отыскал недавно в парижском кладбищенском путеводителе Жака Барози вполне точную формулировку: «кладбище заполняют бывшие живые, явившиеся на свиданье с будущими покойниками») и кто все наши радости и горести изведал чуть раньше, чем мы. Ну а потом, изведав, ушли: «не на живот рождаемся, а на смерть». Но уход их вовсе не сделал их чужими и недоступными для нас: остались их письма, воспоминания близких, их собственные мемуары...

Бродя по дорожкам в этом редкостном для Франции березняке (Цветаевой, бывшей здесь однажды, и небо над этими березами показалось русским, курским), мы заново переживаем перипетии их жизней, их судеб. А судьбы им выпали бурные: революции, войны, бегство, потеря близких, разоренье, разлуки, жизнь в чужом краю, где никто их не ждал с распростертыми объятьями... Но, конечно, и радости у них были, и любовь, и удачи, и рожденье детей, и вдохновение, и стихи...

Есть люди, которые обходят кладбища стороной, а есть люди, которые любят бродить по кладбищам («умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего»). Я отношусь к последним, оттого с охотой принимаюсь нынче за рассказ о знаменитом русском некрополе. С охотой, и даже с таким чувством, что рассказ этот может оказаться бесполезным. С одной стороны, он как бы приблизит к родному дому тех, кому пришлось умереть на чужбине. С другой — он и родине может напомнить о ее заброшенных на дальний край Европы детях. Заодно и нам напомнит некоторые страницы русской истории и русской культуры, напомнит наших собратьев из русской эмигрантской колонии Парижа, кое-какие перипетии их жизни и печальные эпизоды, предшествовавшие их изгнанию. На кладбище ведь столько сходится вместе знакомых и незнакомых

Вход в знаменитый некрополь Сент-Женевьев-де-Буа.
На этом маленьком кладбище Франции близ Парижа
открывается вся история русского XX века

людей, столько завершается драм, столько развязывается сюжетов, в какой бы путаный узел их ни завязала судьба. Прогулка по кладбищу и встречи с именами, в той или иной степени знаковыми, вызывают у нас чаще всего не мысли о смерти, а воспоминания о жизни — о чужих жизнях и о своей жизни. В предисловии к книге «Кладбища Парижа» один из французских любителей кладбищенских прогулок (журналист Мишель Дансель, неоднократно заявлявший, что предпочитает кладбища паркам, ипподромам и показам моды) высказывает ту же мысль: «Кладбище — это, прежде всего, перепутье для размышлений, наилучший уголок для прогулок, в ходе которых можно мысленно плести над чужими могилами узорное кружево собственной жизни».

Говоря о знакомых именах, которые встречаются на могильных камнях и крестах, я имею в виду, конечно, в первую очередь имена, известные и прежним эмигрантам, и нынешним россиянам. Однако это не значит, что я намерен соблюдать былую или новейшую «табель о рангах» и сводить нашу прогулку по кладбищу к пробежке по статьям эмигрантских энциклопедий. Самый жанр «прогулки» и самая серьезность обстановки позволяют нам пренебречь подобной «табелью о рангах». Это, кстати, подметил и упомянутый мной выше французский автор (Дансель), который предварял свою книгу следующим предупреждением: «В царстве мертвых нет логики, там царствует свобода. И если я задержусь перед какими-нибудь могилами дольше обычного, это не означает, что несчастные или, напротив, блаженные, которые лежат в них, более важны, чем прочие покойники. Так что, книга моя не должна уподобиться ни справочнику, ни докладу о бывших знаменитостях, ни исчерпывающему каталогу, ни тематическому или инвентарному списку или реестру...»

Кстати сказать, инвентарный список захоронений на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа издан был в Париже (составитель Иван Грезин, издание славного Жака Феррана) — огромный том, содержащий 10 000 имен (450 страниц — и все

только имена и даты). На подобную инвентарную прогулку нам, боюсь, может не хватить остатка жизни («жили сажень, а доживать — пядень»). Но все же и мы с Вами слишком-то спешить не будем. Еще у нас есть время, хотя сколько его осталось, не знаю: «никто живой предела своего не изведал». Рассказ наш о покинувших уже наш мир русских эмигрантах-парижанах волей-неволей оживит в нашей памяти тот старый русский эмигрантский Париж между войнами, ту уникальную колонию изгнанников, равную которой вряд ли припомнишь в мировой истории изгнаний и эмиграций — и по значимости ее в родной истории, и по уровню ее, и по вкладу ее в русское и французское культурное наследие.

Как от века ведется в солидных изданиях, для начала надо обратиться к истории этого русского кладбища близ Парижа — откуда оно пошло. Известно, что кладбища — неизменный спутник человеческих поселений («жить надейся, а умирать готовься», «жил не жил — а помирай!»). И если уж при мирном городке или цветущей деревне с неизбежностью вырастают холмики могил, то что уж тогда говорить о таких человеческих общежитиях, как больница, богадельня или «старческий дом». Знаменитый русский некрополь Сент-Женевьев-де-Буа как раз и возник поначалу при здешнем старческом доме (более благозвучно его звали еще Русским домом). История же появления этого знаменитого старческого дома, она из тех историй, какие принято рассказывать под Рождество. Их и называют «рождественскими сказками»: мол, так в жизни не бывает. А вот и бывает. В данном случае именно так все и было — как в рождественской сказке. Историю я эту вычитал в воспоминаниях главы Западной Православной Церкви митрополита Евлогия, на него можно положиться. Вот она, эта история...

В первые годы эмиграции княгиня Вера Кирилловна Мещерская и ее сестра Елена Кирилловна Орлова (обе в девичестве носили фамилию Струве) открыли в поисках заработка пансион для благородных девиц. Точнее, девицы эти были скорее богатые, чем благородные (все как есть из Америки или Анг-

лии), но желали приобрести благородные манеры, прежде чем выйти замуж. Этим манерам и учили их две русские дамы из высшего русского общества. Среди пансионерок была юная дочь миллионера, которую звали Доротея, Дороти (уменьшительно Долли — Дороти Паджет, точнее, вероятно, Паджит, а у русских авторов чаще даже Педжет). Она очень привязалась к своим благородным наставницам и по окончании курса спросила Веру Кирилловну, что бы она могла такое сделать для нее лично или для этих бедных русских эмигрантов, которым приходится нелегко на чужбине, — деньги, мол, у нее есть, денег не жаль (как видите, данная девица была и впрямь существо благодарное и благородное, даром что из богатых). Вера Кирилловна сказала, что ей лично ничего не нужно — а вот нельзя ли сделать что-нибудь для престарелых русских. Молодые поручики и даже нестарые еще полковники и генералы сели за баранку такси, зарабатывают на жизнь, имеют крышу над головой, а вот старикам некуда деться. Открыть бы для них приют...

Вот дальше все и было как в рождественской сказке. Купила добросердечная американская (хотя жила она как будто в Англии) девушка великолепную старинную усадьбу в Сент-Женевьев-де-Буа, некогда роскошное владение наполеоновского маршала, — прекрасный дом с флигелями и службами, а вокруг большой парк и сад: тишина, красота, комфорт... Бездомных и одиноких русских стариков было в Париже много, так что главное здание сразу заполнилось, а за ним и флигеля, и службы, а потом уж стали снимать квартиры у местных жителей. Юная благотворительница Долли поставила Русский дом на широкую ногу, следила, чтоб ни в чем у стареньких русских не было недостатка. Как вспоминает митрополит, «своих подопечных мисс Педжет любила, приезжала навещать, о них заботилась, их баловала. На большие праздники старалась их лучше угостить, присылала авионом индеек, гусей...»

Ностальгические воспоминания иных из духовных детей владыки Евлогия о «былой, привольной, богатой жизни» вызывают у митрополита, рожденного в бедной семье многодетного

батюшки в глухом селе Тульской губернии, лишь снисходительную усмешку. Недаром из всех анекдотов о жизни тогдашнего Русского дома и кладбища ему вспомнился через полтора десятилетия именно такой:

«Вопрос о происхождении, чинах и титулах играет в Русском доме роль немалую. Рассказывают следующий анекдот, характеризующий психологию призреваемых.

На местном кладбище разговаривают три старушки, выбирая себе место для вечного упокоения; заспорили об одном наиболее видном месте.

— А мой муж был губернатор...

— А мой — генерал-лейтенант...

— А мой... — начала третья старушка, и замялась. — Кто же был мой? Ах, запамятовала...

— Да вы же незамужняя!.. — запротестовали спутницы.

— Ах да, действительно, я не была замужем... — смущенно сказала бедная старушка».

Эпизод подводит нас к нашему предмету, а заодно и ко взглядам высокопреосвященнейшего владыки на пустой старушечий спор. Взгляд тот нашел отражение и в священных книгах, и в перлах народной мудрости: «Смерть всех поравняет», «Царь и народ — все в землю пойдет», «Сегодня полковник, завтра — покойник», и еще, и еще...

Далека ли дорога от старческого дома до места последнего упокоения? К началу Второй мировой войны на здешнем кладбище было уже около четырех сотен могил (нынче их уже за десять тысяч). И не только обитатели старческого дома поставляли новых насельников маленькому русскому кладбищу, но и многие парижане, а также русские обитатели южных и западных парижских пригородов. Митрополит Евлогий так объяснял это:

«Часто русские предпочитают хоронить своих близких в Sainte Genevieve, а не на парижских кладбищах потому, что здесь постоянно творится православная молитва и как-то приятнее лежать среди своих соотечественников».

И первая (православная молитва), и вторая («лежать среди своих соотечественников») причины того предпочтения, которое отдавали русские эмигранты новому, загородному кладбищу, вполне существенны. И за границей, и в России кладбища (как верно отмечают в своем кладбищенском справочнике-путеводителе петербургские историки А. Кобак и Ю. Пирютко) «находились в ведении духовного начальства и носили строго конфессиональный характер». То, что православных тянуло на свое, православное кладбище, не нуждается в долгих объяснениях: кладбище — «нива Божия, где умершие ждут воскресения в час Страшного Суда», и воскреснуть тоже хотелось бы не в одиночестве, а среди своих. Но и российским иноверцам, и российским атеистам (тем, кого в эмиграции, во всех странах, без различия их вероисповедания и расы, называют просто «русскими») тоже хотелось быть похороненными «среди своих соотечественников». Так что возможны были исключения (впрочем, редкие). Историки петербургских кладбищ отметили, что уже и Петр I допускал исключения для иноверцев, что ж тогда говорить о межвоенной русской эмиграции в Париже, где просвещенное духовенство отличалось высокой степенью терпимости. Что же до перешедших в православие иноверцев, то Вы и сами заметите, сколько тут немецких имен из Прибалтики (из Курляндии, Ливонии, Эстонии), сколько потомков рыцарей Тевтонского ордена и выходцев из старинной прибалтийской буржуазии, получивших дворянство на русской службе, сколько потомков Мюрата, Бурбонов, Бонапарта, потомков британцев (Лейсли, Огильви, Гамильтонов-Хомутовых, Гордонов, Кричтонов и даже Рамзеев), сколько Катюаров, де Ланжеронов... Невольно вспомнятся иностранные слободы петровской Москвы (и немецкая, и голландская, и английская, и швейцарская...).

Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа премного украсили и его церковь, и его березы, и его цветы. Надгробия же здесь по большей части традиционные, те же, что и на московских или петербургских кладбищах, много деревянных крестов. Надгро-

бия побогаче заказывали чаще тому же Альберту Бенуа, что строил церковь.

Русская эмиграция пережила во Франции в 20—30-е годы истинное возрождение православной веры. Тексты из Евангелий встречаются на надгробиях чаще, чем прочие эпитафии. Среди самых распространенных: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» и еще вот это, почти изгнанническое, эмигрантское: «Блаженны изгнанные за правду...» (как на могиле моего учителя кинодраматургии — поэта, певца и драматурга Александра Галича).

Эпитафия была в России жанром заимствованным, однако успела дать образцы высокой поэзии, вроде пушкинской эпитафии младенцу Николеньке (сыну декабриста С. Г. Волконского и М. Н. Волконской-Раевской, последовавшей за мужем в Сибирь):

В сиянье, в радостном покое,
У трона Вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Как сделали это А. Кобак и Ю. Пирютко в своей прекрасной книге о петербургских некрополях, считаю уместным напомнить читателю похоронные правила православных россиян, которые строго соблюдались в эмиграции. Умиравшего исповедовал и причащал священник, над ним читали «молитвы на разлучение души и тела». Потом омывали мертвое тело под чтение псалмов и облачали в новую одежду. В напоминание о пеленах Иисуса во гробе тело покрывали саваном, в руки покойному вкладывали образ Спасителя, а на голову ему возлагали венчик (в знак надежды на милосердие Божие). Панихиду совершали дома, а отпевали покойника в храме, куда переносили его с зажженными свечами (в знак возвращения его к Вечному Свету). В церкви гроб ставили головой к двери, чтоб лицо усопшего

было обращено к востоку («к востоку вечности»). Отпевали покойного после обедни, прощались с ним «последним целованием», читали «разрешительную молитву» и текст ее вкладывали в правую руку покойника. Потом погребальная процессия тянулась к кладбищу, где гроб с молитвою опускали в могилу. Священник крестовидно бросал землю на крышку гроба, лил на нее елей, сыпал пепел от кадила. Крест на могиле был символом спасения... Поминать усопшего принято было на девятый день (когда душа вновь возносится к Богу) и на сороковой (когда душа получает определение Божьего суда). Молитва за упокой помогает умершему в загробной его судьбе. Кроме того, для поминовения усопших существуют у православных пять «родительских суббот» — перед Великим постом, во вторую, третью и четвертую субботы Великого поста и, наконец, в день Святой Троицы. Существуют, впрочем, и другие дни поминовения...

Поскольку местные власти не разрешили строить церковь на самом кладбище, был прикуплен у ограды небольшой участок земли и на нем летом 1938 года началось строительство нового храма по проекту архитектора и художника Альберта Бенуа (брата знаменитого Александра Бенуа). Храм был в новгородском стиле XV — начала XVI века.

В марте 1939 года Альберт Александрович Бенуа и его жена Маргарита Александровна приступили к росписи храма. Позднее им стали помогать искусный каллиграф и знаток старославянского письма Г. А. Шереметев и другие добровольцы-художники, точнее художницы. Как сообщает митрополит, граф Шереметев поселился позднее тут же при храме «в смиренном звании псаломщика».

Освящение храма состоялось в октябре 1939 года. Шла война, и звонить в колокола было запрещено даже по случаю светлого праздника. Старенький митрополит был болен, но в тот день он почувствовал прилив бодрости и волнение, о котором рассказывал так:

«Вхожу в храм, уже расписанный и освобожденный от левосов... «Боже, как хорошо, дивно!..» — невольно вырвалось из

Успенский храм на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа
был построен в 1939 году по проекту архитектора Альберта
Бенуа в новгородском стиле XV – начала XVI веков

души. Так поражен был я красотой храма... С бодрым духом, с благоговением приступил я к освящению...

На душе было так легко, так светло, что на время будто забылись все угнетающие меня недуги...

Да будет благословенно имя Господне отныне и до века...»

От Успенской церкви и отправимся мы с Вами на нашу «кладбищенскую прогулку». Надо сказать, что в конце XVIII — первой трети XIX века «кладбищенские прогулки» были излюбленным литературным жанром. Однако прошло немало времени с тех пор, как милый человек Василий Андреевич Жуковский бродил между могилами. Менялись вкусы, менялись жанры. Сами люди менялись, только умирали по-прежнему...

Вот и мы будем бродить с Вами среди могил, но только уже по-своему, не по-жуковскому. Будем вспоминать ушедших как живых, как близких («рубаха к телу близка, а смерть ближе»), да и то сказать, далеко ли мы ушли, намного ли они нас опередили: «живешь — не оглянешься, помрешь — не спохватишься»... Сам я, честно сказать, оттого и люблю гулять по кладбищу, что люди эти для меня как живые. Если вкусы у нас с Вами сходятся, то Вы мне желанный попутчик.

Как Вы уже поняли, во время этой прогулки постараюсь я, в первую очередь, напомнить о наших соотечественниках — эмигрантах, которые здесь упокоились. И хотя далеко не все эмигранты-парижане (и тем более провинциалы) были похоронены на этом кладбище (много русских есть и на парижских кладбищах Пасси, Монпарнас, Батиньоль, Монмартр и в пригородах Нейи, Бийянкур, Медон, Шель, Ганьи, Клиши, а еще ведь есть русские могилы в Ницце, в Ментоне...), а все же кладбище это уникальное (как уникальной была сама Первая русская эмиграция). Редко где найдешь на свете клочок земли, где сошлись бы так тесно имена князей и дворников, охранителей порядка и его разрушителей, поэтов и генералов, императорских фрейлин и казачьих есаулов, портних и балерин, певиц и приказчиц, генералов императорской свиты и агентов ГПУ, священников и киноактрис... Блистательные десятилетия XIX столетия сплета-

ются здесь с прославленным Серебряным веком, с катастрофой революции, с ужасом октябрьского переворота, с десятилетиями террора — вся история русского XX века на этом маленьком кладбище Франции близ Парижа. Воистину, похоронено здесь ушедшее столетие: погост XX века... Так уж случилось, что собралось здесь множество участников знаменитого костюмированного придворного бала 1903 года (чу, вступает музыка, кавалеры оправляют боярские костюмы, дамы — кокошники...), выпускников Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, Императорской школы правоведения, Пажеского корпуса, Екатерининского и Смольного институтов благородных девиц. Собрались, как на последний смотр, воины-галлиполийцы, корниловцы, дроздовцы, алексеевцы, доблестные казаки, русские моряки. Здесь хватило бы почтенных членов Государственного совета, чтоб провести его заседание, и достало бы депутатов, чтоб открыть прения Государственной думы. Здесь хватило бы актеров, чтоб поставить любой русский спектакль, в том числе и балетный, да и к съемкам фильма приступить возможно — упокоились под сенью этих берез гениальные режиссеры и актеры, и гримеры, и художники-декораторы, и нищие участники массовки... Хватило бы здесь ученых, чтоб создать Академию наук, хватило бы музыкантов, чтобы составить оркестр, открыть консерваторию. Достало бы протоиереев, чтоб отпеть эти жизни... Есть тут и мои русские знакомцы и сверстники. Из тех, кто был в трудные времена активнее и смелее других — кто требовал свободы при социализме, ну хоть свободы слова и творчества (Амальрик, Некрасов, Максимов, Панин, Тарковский, Галич...). И кто попал не под топор, а только в изгнание (такое бывало в России и раньше)...

На здешних надгробиях прочтешь всей России известные имена, но многие из имен Вы, уверен, услышите впервые. Имена прекрасных, милых людей. Но и другие, не прекрасные, но достойные жалости, тоже... Мало кому известные агенты всемогущей советской организации мирно упокоились здесь рядом со своими поднадзорными «белоэмигрантами» — ведь на

кладбище все спокойненько... Прости им всем, Господи! И нас прости, сохрани...

Каждый раз, уходя после прогулки по этому кладбищу, уносил я в памяти то новую историю, то новое открытие из той жизни, казалось бы, давно знакомой...

Вот лежат русские либералы, демократы начала века, кадеты... Конечно, у них не было опыта, им было не справиться с пошедшей вразнос страной, но они ведь были идеалисты, не воровать же они шли в Думу... А сколько они потом работали в эмиграции бесплатно — вот уж где была «общественная работа»!

А все эти аристократы, фрейлины, статс-дамы, полковники... С каким достоинством они встретили бедность — сели за шитье, встали за прилавок, за ресторанный стойку, сели за баранку такси — без нытья, без попрошайничества... И обратите внимание, как недолго жили священники, как старо они выглядели — работа на износ? Как часто умирали эмигранты в тыловой Франции в 1940—1945 годах — отчего? От отчаянья? Война, война, еще война — безумный и подлый мир. И еще отчего-то умирали в 1956-м. Кто пережил эти годы, потом жили долго. Долго жили женщины, спокойно позволявшие себя любить. Долго жили люди, достигшие душевного спокойствия... А что ж эта знаменитая ностальгия, и бедность, и, главное, унижение, ущемленная гордость, не разрушали ли они душу: не оттого ли так легко вербовали здесь агентов ловцы душ из ГПУ?

И еще, конечно, ужасным было (и напрасным) это ощущение своей эмигрантской маргинальности, желание прикоснуться к силе, которая брезжила где-то там, за железным занавесом, в России — не этим ли объяснялись чуть не повальная капитуляция эмигрантов в 1945-м, после войны, или их опасное «возвращенчество»?.. А взгляните, сколько иностранных имен у этих истинно русских людей — сколько же в ней кровей намешано, в молодой русской крови? И еще, и еще — сотни маленьких догадок и открытий придут Вам в голову на меланхолической нашей прогулке: у каждого будут свои...